

ТАТЬЯНА БОЧАРОВА

**ЧЕРНОЕ
ОБЛАКО ДУШИ**

Москва

ТБ

**ЧИТАЙТЕ ЧУВСТВЕННЫЕ
ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ РОМАНЫ
ТАТЬЯНЫ БОЧАРОВОЙ:**

Скрипачка
Соло для влюбленных
Возьми меня с собой
Мой суженый, мой ряженный
Во сне и наяву
Пианистка
Кормилица по контракту
Миг счастья ускользающий
Стена плача
Ромео должен повзрослеть
Последний вечер встречи
Женщина в лунном свете
Спаси меня, пожалуйста!
Дом без привидений
Старшая подруга
Черное облако души
Генетическая ошибка
Герой чужого романа
Семейная идиллия
Трефовый интерес
Восстание Феникса
Круиз по краю ада
Планета лжи
Проклятье Снегурочки
Незванный гость

ТАТЬЯНА БОЧАРОВА

**ЧЕРНОЕ
ОБЛАКО ДУШИ**

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б86

Бочарова, Татьяна Александровна.

Б86 Черное облако души : роман / Татьяна Бочарова. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-225388-1

Надежда Сергеевна и Никита Кузьмич давно на пенсии. Дети разъехались, и жизнь проходит скучно и однообразно: дом, телевизор, дача. Супруги уже хотят завести собачку, чтобы она скрашивала серые будни, но в один прекрасный день в их дверь звонит веселая девчонка по имени Влада и объявляет старикам радостную новость: она не кто иная, как внучка Никиты Кузьмича! Когда-то давно у него в командировке был роман с некоей Марией, она родила дочь, а та в свою очередь — Владу. Поначалу старики ошарашены таким известием, но обаятельной девушке удается завоевать их доверие и стать настоящим светом в окошке. Однако эта идиллия продолжалась недолго...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бочарова Т., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-225388-1

1.

«Я смотрю в окно и вижу окружающий мир, а вернее, его кусочек. Ровно столько, сколько позволяет пыльное оконное стекло. Вон слева высокая береза, ее ствол тянется далеко вверх, где-то там, на уровне самых последних этажей, ее крона, множество ветвей и листьев. Мне с первого этажа виден только ствол — могучий, круглый, покрытый серой корой с черными крапинами. Под этим стволом чего только не происходит: играют ребятишки, пьяницы распивают поллитровку, старушки-сплетницы обсуждают жильцов, собачки задирают лапу, справляя нужду.

Я люблю березу, точнее, ее основание. Люблю чахлый кустик жасмина напротив подъезда. Мне ужасно хочется полить его, чтобы он перестал сохнуть, расправил листочки, выпустил бутоны. Но, увы, я не могу этого сделать, как не могу пройти по тенистому дворику и выйти на дорогу, по которой мчатся автомобили. Я знаю, они не такие, как прежде, во времена моей юности. Тогда пределом мечтаний была «Волга», ну или «Чайка» — на ней ездили исключительно важные персоны. А теперь машин великое

множество, одна другой красивей. Я вижу их на парковке, позади детской площадки. Там стоят разноцветные, блестящие новенькие автомобили и терпеливо дожидаются своих хозяев. А мне ужасно хочется взглянуть, как они несутся по шоссе — стремительно, как птицы, мелькая колесами, сверкая огоньками.

Но до шоссе далеко — много-много шагов, а я не могу сделать ни одного. Поэтому мне остается лишь сидеть у окна и мечтать, что однажды случится чудо и я буду ходить. Смогу самостоятельно выйти во двор и полюбоваться на крону березы, полить увядающий жасмин, дойти до дороги. Ведь никто не может запретить человеку мечтать!

Иногда, впрочем, бывает праздник и на моей улице. Дверь комнаты раскрывается, и на пороге возникает Галка. У нее смеющиеся глаза, красные щеки и крутые завитки волос надо лбом. В руках она неизменно держит связку бананов — золотистых, перезрелых, с черными крапинками. Галка почему-то считает, что есть можно только такие бананы, чуть подгнившие, а чистые — значит неспелые. Галка кладет бананы на стол, вывозит из коридора старенькую коляску, сажает меня в нее, и мы едем вниз. Колеса весело поскрипывают. Пандусов в нашем доме нет, и Галка аккуратно перемещает коляску со мной со ступеньки на ступеньку. Всего их пять, и ура — мы на улице.

Дует теплый ветерок, наполняя кислородом мои скукожившиеся легкие. Вокруг целое море звуков и запахов.

Я задираю голову и вижу листья березы. Они шумят на ветру, колышутся, о чем-то шепчутся друг с другом. Галка весело щебечет, рассказывая о том, что было сегодня в школе. Я стараюсь слушать ее, но у меня получается с трудом. Я жадно и ненасытно впитываю окружающий меня мир — не его клочок, а целый мир, без границ. Я знаю, следующий раз наступит не скоро. А зимой и вовсе ничего этого не будет: много снега, холодно. Галка не может одевать меня и толкать коляску по сугробам. Остается ждать весны.

Но я не унываю. Я сижу у окна и вяжу варежки, носки, шарфики и свитера. Иногда забавные игрушки — зайчиков, мишек, слонят. Мелькают спицы, вытягивая петельки — раз-два, раз-два. Клубок, лежащий на подоконнике, крутится и уменьшается. А за окном идет жизнь — то дождь, то снег, то листопад. Не успеешь оглянуться — а она уже подходит к концу... Раз-два, раз-два, две лицевых и изнаночная...»

2.

Никита Кузьмич с утра был не в духе. Ночью во сне он так неудачно повернулся, что у него прострелило бок. С трудом поднявшись с постели, он, кряхтя, прошаркал в ванную, умылся холодной водой и с отвращением заглянул в зеркало. Ну и рожа! Под глазами морщины, седые волосы всклокочены, в глазах застыло выражение адской скуки.

В дверь постучали.

— Никитка, ты что там, уснул? — крикнула Надежда Сергеевна. — Завтрак готов.

— Иду, — ворчливо ответил Никита Кузьмич и снова покосился на свое отражение. Он покачал головой, смачно плюнул и, повесив полотенце на крючок, вышел в коридор.

В кухне было тепло и уютно, вкусно пахло сырниками. Никита Кузьмич, охая и стелая, с превеликим трудом опустился на табурет, покрытый цветастой подушкой.

— Что с тобой? — ласково спросила Надежда Сергеевна, ставя перед ним тарелку, на которой в сметане лежали румяные, поджаристые сырники, ровно пять штук.

— Да спину потянул, будь она неладна, — пожаловался Никита Кузьмич. — Ни повернуться, ни вздохнуть.

— Ах ты, болезный мой, — сочувственно произнесла Надежда Сергеевна. — Ну покушай, а я после разотру тебя пчелиным ядом. Кушай, кушай. — Она присела напротив, с пристрастием глядя на мужа.

Никита Кузьмич вздохнул и взялся за вилку. Есть ему совсем не хотелось, но, если отказаться, Надя станет переживать. У нее ведь единственная радость — целый день торчать у плиты. Готовит как в ресторане: то мясо по-французски, то курица по-польски, то торт испечет, да такой, что язык можно проглотить. Одна беда — без надобности это все Никите Кузьмичу. Он с юности привык

питаться просто и ограниченно, потому и фигура к старости такая, какой и у многих сорокалетних нет — плоский живот, поджарые бедра, ни грамма лишнего жира. Он бы вполне удовлетворился гречкой на завтрак и борщом на обед, а ужин традиционно отдал бы врагу. Но нет — тут тебе и сырники, и ватрушки, и плюшки, и прочая фигня, от которой слабеют мышцы, кости и ткани становятся рыхлыми, и вот уже тянет бок, шею, крестец...

— Батюшка, ты что не кушаешь? — Надежда Сергеевна смотрела на него с укоризной. Позади нее на подоконнике так же укоризненно раскинул колючие ростки столетник, словно руками развел в негодовании.

— Я ем, матушка. — Никита с досадой обмакнул сырник в сметану и отправил его в рот, затем другой. — Все. Сыт. Благодарствую.

— Да как же сыт, когда еще полная тарелка? — расстроилась Надежда Сергеевна. — Ну хоть еще один!

— Нет, — твердо произнес Никита Кузьмич. — Лучше чаю мне налей.

Надежда Сергеевна послушно поднялась, налила в красивый голубой бокал кипятку, кинула туда пакет с заваркой.

— Лимончик положить?

— Положи.

После завтрака Надежда Сергеевна тщательно растерла спину и бока Никиты Кузьмича мазью с пчелиным

ядом, затем закутала его своей шерстяной шалью и велела полежать пару часов. Никита Кузьмич лежал на диване с видом мученика, смотрел нудную передачу по телевизору, и ему было отчаянно скучно. Наконец он решительно щелкнул пультом и крикнул:

— Надюша!

— Что, папулечка? — ласково отозвалась та и заглянула в комнату. Руки у нее были по локоть в муке.

— Опять плюшки? — Никита Кузьмич нахмурил седые кустистые брови. — Заканчивай ты с этим, мать. Сколько, ей-богу, можно!

— Да что еще делать, Никитушка? — растерянно произнесла Надежда Сергеевна. — Все какой-то интерес.

— Глупости это, а не интерес, — буркнул Никита Кузьмич. — Давай, что ли, на дачу завтра поедем?

— Так как поедем, батюшка, если ты нездоров? — Надежда Сергеевна всплеснула руками. — А ну как окончательно надорвешься? Не ровен час, в больницу загремишь.

— Не надорвусь. — Никита Кузьмич решительно сел и тут же скорчился от боли.

Надежда Сергеевна бросилась к нему.

— Вот видишь! Разве можно? Тебе покой нужен и тепло. А я завтра доктору позвоню, Андрей Иванычу. Пусть приедет, поглядит тебя.

— К черту доктора, — Никита осторожно спустил ноги с дивана. — Ай! Черт бы побрал этот бок. Уй-уй-уй. —

Кряхтя и охая, он побрел в кухню. Достал с полки бутылку коньяку, плеснул в рюмку, с шумом втянул носом воздух и выпил залпом.

— Зря ты, Никитушка, — неуверенно проговорила Надежда Сергеевна, входя за ним следом. — Зря. Давление подскочит.

— Да хоть и подскочит, — сердито огрызнулся Никита Кузьмич. — Надоело трястись над собой, как над писаной торбой. Скажи лучше, Колька звонил сегодня?

— Звонил. — Надежда Сергеевна опустила голову.

— Врешь ведь. — Он налил еще стопку.

— Не вру, звонил он. Правда, не сегодня — позавчера.

— Позавчера... — Никита Кузьмич залпом выпил. —

Праздник на нашей улице.

— Зря ты так. — Надежда Сергеевна вздохнула и принялась с остервенением месить тесто. — Зря.

— Не зря, и ты это не хуже меня понимаешь.

— Просто ему некогда, Коленьке. Сам знаешь, работа у него. Дела.

— Но позвонить-то матери можно? — Никита Кузьмич подошел к жене и осторожно положил руку ей на плечо. — Разве для этого много времени нужно?

— Не нужно, — прошептала Надежда Сергеевна. — Да ты не злись на него, батюшка. Завтра, даст бог, на дачу поедем. Костерок зажжем, я колбаски пожарю. Чего тебе Коля? У него своя жизнь, у нас своя.

— У него своя, у Алки своя. Мы детей своих раз в полгода видим. И слышим примерно так же.

Никита Кузьмич отнюдь не сгушал краски. Дочь Алла сразу после института укатила в Германию на стажировку, благо у отца были на это средства. Там она и осела: устроилась на хорошую работу, вышла замуж за немца и родила сына, которого назвала Рудольф, что для русского уха звучало слишком похоже на Адольф, а потому вызывало высшую степень неприязни и отторжения. Приезжала она в Москву редко, раз в год, правда, исправно звонила по скайпу, но разговоры эти как-то не клеились, были скучными и натянутыми.

Сын же Николай жил совсем рядом, в соседнем районе. Он рано женился, наплодил двоих детей и тут же развелся. Невестка с бывшими свекрами отношения не поддерживала, внуков им не привозила. Сам же Колька вел привольный образ жизни — менял баб, как перчатки, ездил на горнолыжные курорты, тусовался по клубам. Престарелых родителей вниманием не баловал, а если и заявлялся в гости, то в основном за материальной помощью. Никита Кузьмич на детей сердился, но все равно любил их и в глубине души надеялся, что когда-нибудь все изменится и семья вновь воссоединится...

Надежда Сергеева вздохнула и ласково потрепала мужа по волосам.

— У всех так, Никитушка, — постаралась утешить она его. — Они же знают, что мы вместе, вдвоем, нам не скучно.

— Скучно! — Никита Кузьмич рубанул ладонью по столу так, что тазик с тестом подпрыгнул и съехал в сторону. — Скучно нам! Приехали бы в гости! Съели бы твои плюшки! Посидели бы, чайку попили, а потом погуляли.

— Не кипятись, дружок. — Надежда Сергеевна ласково погладила его по щеке. — На что они тебе? Вырастили, выучили, и слава богу. Давай вот я тебе картошечки горячей с маслицем положу? Давай?

— Ну давай. — Никита Кузьмич обреченно опустил на стул.

3.

Назавтра ему стало легче настолько, что он без труда сел за руль своего старенького «Шевроле» и покатил с Надеждой Сергеевной на дачу.

Супруги Авдеевы всегда жили в достатке. Никита Кузьмич до пенсии занимал высокий пост директора ликероводочного завода. Большая часть его карьеры пришлось на советское время. Ни супруга его, ни дети ни в чем не знали отказа. Все блага той эпохи — кооперативная трехкомнатная квартира, фирменная заграничная одежда, продукты, бывшие для обычных людей дефицитом, а еще новенькая «Волга» и фундаментальный кирпичный дом-дача — были доступны их семейству. Они ежегодно ездили к морю, отдыхали в элитных подмосковных санаториях, лечились на водах.

Никита Кузьмич характер имел крутой, но, несмотря на это, был любимцем у подчиненных. Жесткий, хваткий, деловой, он обладал всеми качествами прирожденного руководителя. Именно они помогли ему в 90-е удержаться на плаву. Его завод не закрылся, подобно сотням других, перестроился, нашел каналы сбыта, отыскал поставщиков и стал процветать. Никите Кузьмичу в ту пору шел шестой десяток. Он был здоров как бык, мотался по командировкам, помогал выросшим детям материально. А в свободное время достраивал дачку, перекраивая ее на современный лад: сделал там и гостиную с камином, и бассейн, и зону барбекю, и даже маленькое футбольное поле, на котором гости могли погонять мяч.

Все бы и дальше шло отлично, если бы не грянул гром среди ясного неба: случился у Никиты инфаркт — неожиданно, подло, коварно, когда ничто не предвещало беды. Сидел за столом, вел совещание и внезапно почувствовал острую боль в груди, затошнило, зазеленело перед глазами. Никита Кузьмич скрипнул зубами: «Продержаться бы еще минут пять, закончим, и к доктору». Но продержаться не удалось — кабинет вдруг поглотили сумерки, а потом наступила полная тишина. Очнулся Никита в реанимации, рядом сидели заплаканная Надежда Сергеевна и дети. Поначалу он не понимал, насколько все серьезно, все норовил встать с кровати: за завод беспокоился, там как раз выгодный контракт назревал, нужно было не зевать. Но врач — пожилой, седой профессор-кардиолог — все ему

быстренько объяснил: мол, все важные дела закончились, теперь только кушать, спать да гулять во дворе, а не то следующий контракт не в этом мире придется подписывать.

Для Никиты Авдеева это стало ударом. Сильный, крепкий мужчина, надежда и опора семьи, любимец женщин, он в одночасье превратился в инвалида, боящегося сделать лишнее движение. Да что там движение — и дышать-то глубоко поначалу было страшно! Надежда Сергеевна после выписки квохтала над ним, как пчелка: не разрешала вставать, носила еду в постель, кутала в шарфы и свитера, пичкала лечебными травами. А Никита медленно умирал. Нет, не от сердца — его врачи починили, а от невестребованности и непривычного безделья. Никогда не сидевший дома, он безмерно тяготился пребыванием в четырех стенах, требовал телефон, пытался звонить на работу, давать указания. Но бедное заштопанное сердце не хотело больше трудиться: болело, щемило, кололо и норовило остановиться. Одна за другой приезжали «Скорые», делали уколы, кардиограммы. Надежда Сергеевна отключила телефоны и увезла мужа в санаторий — надолго, на три месяца. Там, гуляя по лесным дорожкам, купаясь в серной ванне и попивая вечерний кефир, он немного успокоился и смирился. Перестал дергаться, начал смотреть телевизор, читать книги, словом, вошел в ритм жизни пенсионера.

Надо отдать должное Надежде Сергеевне — она целый год выхаживала мужа. Сделала все возможное, чтобы смертельная опасность, нависшая над ним, миновала.

Через год тот же седой профессор осмотрел Никиту и удовлетворенно покивал:

— Все хорошо, дорогой мой. Сердце ваше в полном порядке. Можете прибавить активности. Займитесь ходьбой, плаванием.

— А на работу? — робко спросил Никита Кузьмич. — Можно на работу выйти? Хотя бы не на полный день.

Врач насупил густые брови:

— О работе даже не думайте! Живите, как все с вашим диагнозом. И скажите спасибо супруге...

Так и пошло. Надежда Сергеевна вскоре тоже уволилась и засела дома, ухаживать за мужем. В деньгах они не нуждались: за жизнь удалось скопить приличную сумму, которая теперь лежала в банке и давала неплохие проценты. Супруги путешествовали, ездили на дачу, иногда принимали у себя друзей. Вот только с внуками не сложилось. Надежда Сергеевна относилась к этому философски, а Никита Кузьмич обижался. Он так и не притерпелся к роли пенсионера, жизнь казалась ему пустой и скучной, пресной, как бессолевая диета. И даже поездки на дачу не сильно радовали.

Надежда Сергеевна, напротив, фазенду любила. Развела всякие цветочки-ягодки, хлопотала на грядках, делала заготовки. Вот и в этот раз она с увлечением орудовала секатором, отрезая засохшие ветки разросшегося у беседки шиповника. А Никита Кузьмич сидел в удобном кресле-качалке на веранде и с грустью смотрел на увитый девичьим вино-

градом забор. Он вспоминал молодость. Как было здорово – каждый день, как бой, кипучий, огневой, полный стрессов и побед! Эх, где теперь его адреналин? Куда делся? Собаку, что ли, завести, как посоветовал недавно близкий друг. «Заведи пса, Кузьмич, большого, серьезного. Будешь его любить, а он тебя. Глядишь, и депрессия отступит. Собаки, они лучше людей, поверь». Никита Кузьмич представил, как у его ног лежит огромный черный дог, с блестящей шерстью и умными глазами-бусинами. Можно назвать его как-нибудь аристократично – Байрон, например. Или Лорд...

– Никитка, иди, помоги мне костер разжечь! – крикнула Надежда Сергеевна,

Никита поднялся и пошел разводить огонь. Потом они сидели за уютным плетеным столиком, ели поджаристые колбаски и печеную картошку, пили душистый чай с листьями смородины. Никита Кузьмич все думал про собаку.

– А что, Надюш, если нам пса завести? – спросил он у жены.

– Пса? – Она поставила чашку и с удивлением взглянула на него. – Какого? У Тони вот йорк живет, миленький такой. Может, его?

– Да ну твою Тоню, – сердито отмахнулся Никита. – Йорк разве собака? Тьфу, одно название. Я настоящего пса хочу. Дога, например. Или ротвейлера.

– Ох, батюшка, это сколько ж мяса ему нужно! А грязи-то будет, наверное. – Надежда Сергеевна сокрушенно помотала головой. Затея мужа ей явно была не по душе.

— Ну как знаешь, — обиделся Никита. Однако он знал, что жена в конечном счете с ним согласится. Так оно и вышло.

— Да я что, я разве против? — засуетилась Надежда Сергеевна. — Хочешь дога, давай дога. Только где ж мы его возьмем?

— Я Сашке Куролесову позвоню, он нам щенка привезет. Даже нескольких, на выбор.

Сашка Куролесов был давнишним другом Никиты Кузьмича, одним из тех немногих, которые не исчезли после того, как он отстранился от дел. Несмотря на разницу в возрасте — Куролесов значительно моложе, — они всегда находили общий язык. Сашка был счастливо женат, имел двоих несовершеннолетних детей, трудился на заводе в должности начальника одного из цехов и вот уже несколько лет занимался в качестве хобби собаководством.

— Как скажешь, папочка, — покладисто согласилась Надежда Сергеевна и принялась собирать со стола грязную посуду.

4.

Сказано — сделано: в тот же вечер Никита позвонил Куролесову. Договорились, что назавтра в шесть тот подъедет с тремя щенками. Надежда Сергеевна по этому поводу испекла пирог с луком и налепила вареников.

С самого утра Никита Кузьмич пребывал в приподнятом настроении. Он устроил в углу в гостиной лежанку для щенка, заказал в Интернете поводок, корм и прочие атрибуты собачьего быта. Без пяти шесть раздался звонок в дверь.

– Приехал! – радостно провозгласил Никита Кузьмич и собственной персоной отправился в прихожую открывать.

Щелкнул замок. Никита распахнул дверь и замер в удивлении: перед ним стояла незнакомая, совсем юная девушка довольно высокого роста. Одетая она была в длинное, до пят, джинсовое платье с цветными вставками и крошечную кожаную курточку. За плечами висел большой холщовый рюкзак. На свежем розовом личике весело поблескивали зеленые глаза. Но главное – ее волосы! Невероятная кудрявая грива ярко-рыжего цвета. Никите показалось, что он попал в детский мультфильм, настолько нереальной и сказочной была стоящая перед ним незнакомка.

– Вы к кому? – в недоумении уставился он на девушку.

– Мне нужен Никита Кузьмич Авдеев. – Голос у нее был дивной красоты – грудной, мелодичный, словно окутывающий мягкой вуалью.

– Это я. – Никита окинул девицу еще более удивленным взглядом. – Что вы хотели?

– Можно я войду? – довольно бесцеремонно поинтересовалась рыжая.